

DOI 10.35775/PSI.2025.119.7.008

УДК 32

Ж.Ш. АГАЕВА

преподаватель ФГБОУ ВО «Всероссийский  
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,  
Россия, г. Ростов-на-Дону  
E-mail: rf@rpa-mjust.ru

## ЭТНО-РАСОВЫЙ ЭГОЦЕНТРИЗМ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

**Цель.** Выявить и проанализировать роль этно-расового эгоцентризма как дестабилизирующего фактора в процессе модернизации национального государства.

**Методы.** Методы исследования включают сравнительно-исторический анализ (на примерах Каталонии и Шотландии), а также междисциплинарный подход, сочетающий политологический, социологический и культурологический инструментарий.

**Выводы.** Этно-расовый эгоцентризм проявляется как реакция на модернизационные и глобализационные вызовы, усиливая внутреннюю политическую фрагментацию. В условиях кризиса легитимности и социальной поляризации он может трансформироваться в форму протестной мобилизации, направленной против универсальных принципов гражданского государства. Для обеспечения устойчивости политических систем требуется переосмысление подходов к идентичности и интеграции в рамках инклюзивных моделей государственности.

**Ключевые слова:** этно-расовый эгоцентризм, политическая турбулентность, модернизация, национальное государство, глобализация, идентичность, сепаратизм, многоэтничность, инклюзивность, суверенитет, федеративные отношения.

**Введение.** Современные процессы глобализации и трансформации национальных государств сопровождаются ростом значимости этнической и расовой идентичности как факторов политической мобилизации. В условиях усиления социокультурных диспропорций и кризисов легитимности возрастает риск радикализации этноцентрических установок, вступающих в противоречие с универсалистскими принципами гражданского равенства и правовой инклюзивности. Этно-расовый эгоцентризм, как особая форма коллективного самосознания, способен не только усиливать внутреннюю политическую турбулентность, но и дестабилизировать процессы модернизации в многоэтнических обществах

**Теоретическая часть.** Знаменитый ученый, политолог Самюэль Хантингтон в американском журнале в 1993 году опубликовал свой научный труд «Столкновения цивилизаций», который задал тон новым научным

исследованиям в сфере сущности и анализа государств-цивилизаций [9. С. 11]. В своей статье он указал на новый формат конфликтов между государствами, природа которых будет основана не на экономической, классовой или социальной почве, в основе новой межгосударственной борьбы будет лежать различия культурной идентичности. Если раньше мы можем говорить о делении стран на три основных сегмента – свободный мир, коммунистический союз и неприсоединившиеся/нейтральные страны, то в новом мире, как отмечает ученый, государства делится по цивилизационному признаку, например, Западные, Африканские, Православные, Буддийские и другие анклавы государств-цивилизаций. Такая обновленная форма процесса глобализации в первую очередь связана с постмодернизационными процессами, а именно, конкуренцией стран за свой культурный, политический суверенитет [4. С. 8.].

Глобализация в динамике создает новые условия для социально культурных, экономических и политических диспропорции. Как отмечал, Д. Перронс В новом времени мы можем наблюдать не только богатство возвращает несправедливых торговых действий отдельных общественных субъектов, которая приводит к обнищанию большого количества людей, но также и появление бедности в развитых государствах. То есть плюсом к пространственной диспропорции в богатстве присоединяются и социальные диспропорции в конкретных регионах. Социальная жизнь подвергается сегментации пак классовым, гендерным, этническим и другим различиям [10. Р. 319-320].

Таким образом, в условиях глобальной трансформации политических и социокультурных систем особую актуальность приобретает исследование факторов, дестабилизирующих процессы государственного строительства и модернизации. Одним из таких факторов выступает этно-расовый эгоцентризм – идеологически и культурно обоснованная установка на исключительность или приоритетность определенной этнической или расовой группы в политическом и общественном пространстве. Эта установка способна радикализировать внутриполитические отношения, ослаблять национальную солидарность и порождать формы протестной активности, основанные на этнической и расовой идентичности.

Этно-расовый эгоцентризм, проявляющийся в стремлении к культурной, политической и экономической доминации, как правило, активизируется в периоды социальных изменений, экономических кризисов и институциональной нестабильности. Его влияние на процесс модернизации заключается в том, что он вступает в противоречие с универсалистскими принципами, лежащими в основе национального государства – равенством гражданских прав, инклюзивностью политических институтов и верховенством права. Вместо интеграции и консолидации этноцентрические установки способствуют росту социальной поляризации, деструкции гражданской идентичности и усилению политической турбулентности.

В частности, в условиях нарастающей глобализации и миграционных потоков национальные государства сталкиваются с новыми вызовами, связанными

с необходимостью переосмысления политики идентичности. Этно-расовый эгоцентризм в этом контексте становится реакцией на угрозу утраты культурной гомогенности, выступая как форма сопротивления внешнему культурному и политическому влиянию. Однако подобная реакция, воплощенная в политических практиках исключения, может приводить к ослаблению государственного суверенитета и дезинтеграции политического пространства. Анализ этих процессов требует междисциплинарного подхода, опирающегося на политологические, социологические и культурологические исследования.

Процесс модернизации национального государства нередко сопровождается усилением этно-расовой идентичности, особенно в условиях политической нестабильности, социального расслоения и кризиса легитимности власти. История XX века предоставляет ряд наглядных примеров, когда этно-расовый эгоцентризм становился не только идеологической основой, но и реальным фактором политической деструкции. В данном контексте заслуживает внимания опыт Германии в 1930-1940-х годах, когда расовая доктрина национал-социализма, основанная на идее арийского превосходства, была институционализирована в государственной политике. Этническая и расовая исключительность приобрели нормативный характер, что легитимировало политику преследования, сегрегации и уничтожения целых социальных групп, включая евреев, цыган, славян и иных «неполноценных» с точки зрения господствующей идеологии. Данная практика, будучи частью более широкой модели тоталитарной модернизации, не только разрушила правовые механизмы внутри государства, но и стала катализатором масштабной геополитической турбулентности, приведшей к разрушительным последствиям в международном масштабе.

Показателен также трагический опыт Руанды в 1994 году, где на фоне искусственно конструируемых колониальной администрацией различий между народностями хуту и тутси этно-расовый эгоцентризм приобрел экстремальные формы. Изначально социально-политическое противопоставление этнических групп, подкрепленное борьбой за доступ к власти и ресурсам, постепенно трансформировалось в этническую ненависть, кульминацией которой стал геноцид. Этническое сознание, раздутое до степени исключительности и исключения, стало основой политического дискурса и повседневной мобилизации масс, что наглядно демонстрирует, как этноцентризм в условиях слабых государственных институтов и фрагментированной политической системы может привести к коллапсу национального проекта.

Нельзя не отметить, что подобные случаи являются не аномалией, а проявлением структурных противоречий, возникающих в процессе строительства национального государства в многоэтнических обществах. При определенных условиях этно-расовая идентичность, вместо того чтобы служить ресурсом интеграции, становится инструментом политической мобилизации, часто направленной против универсальных норм гражданского равенства и правовой инклюзивности. Следовательно, исследование этно-расового эгоцентризма требует не только политико-исторического анализа, но и философско-культурологической

рефлексии над тем, каким образом формируются и радикализируются идентичности в условиях модернизационного давления.

В современных условиях этнический сепаратизм получает новое измерение в контексте наднациональных объединений, таких как Европейский союз [6]. В отличие от традиционных унитарных государств середины XX века, обладавших большей степенью внутренней политико-административной автономии и суверенитета, Европейский союз представляет собой гибридную форму политического устройства, в которой взаимодействуют элементы национального и наднационального суверенитета. В этом аспекте ЕС оказывается потенциально более уязвимым к этнополитическим вызовам, чем классические национальные государства.

Структурная специфика Европейского союза – с его сложной системой межгосударственного согласования, многоуровневого управления и нормативной правовой зависимости государств-членов от решений наднациональных институтов – порождает условия, при которых внутренние этнополитические конфликты могут получить транснациональное измерение. ЕС, не имея ясной и окончательно оформленной федеративной модели, в ряде случаев невольно выступает в роли де-факто третьей стороны в спорах между государством-членом и субнациональной этнической группой, стремящейся к самоопределению. Такая опосредованная вовлеченность может усугублять конфликт, усиливать протестную мобилизацию и формировать у мятежного этноса ложные ожидания относительно международной поддержки.

Показательным примером выступает Каталония – один из наиболее развитых в экономическом и культурном отношении регионов Испании, обладающий ярко выраженной этнической, языковой и историко-культурной идентичностью [2. С. 122-123]. Каталонское движение за независимость, активизировавшееся в последние десятилетия, иллюстрирует сложность и многослойность этнических требований в условиях объединенной Европы. Примечательно, что в массовом восприятии сепаратистского движения заметно апеллирование не только к внутреннему праву, но и к европейским принципам демократии, прав человека и народного суверенитета, что создает прецедентное напряжение между государственным суверенитетом и универсалистскими нормами Европейского союза.

Следует отметить, что подобные движения часто опираются на представление о собственной экономической и культурной исключительности, что придает сепаратизму черты этно-расового эгоцентризма, трансформированного в рамках постиндустриального общества. Каталонский этнос в этом случае выступает не как угнетенное меньшинство, но как политически активный субъект, осознающий себя неотъемлемой частью европейского культурного пространства и в то же время – чуждым по отношению к испанскому центру. Такая позиция усиливает внутреннюю фрагментацию федеративных или унитарных государств, снижает их устойчивость к внутренним вызовам и провоцирует кризис

моделей государственности, основанных на интегративных механизмах XX века [5. С. 74].

В условиях регионализации, трансграничной мобильности и ослабления традиционных механизмов национальной интеграции Европейский союз, вопреки представлениям о его интеграционной устойчивости, может становиться ареной для новых форм этнополитической нестабильности [3]. Проблема в том, что ЕС пока не располагает действенными механизмами превентивного управления этническими конфликтами, возникающими внутри государств-членов. Более того, неопределенность его правового статуса в вопросах внутреннего самоопределения способствует образованию правового вакуума, которым активно пользуются этнополитические акторы. В этом контексте исследование этнического фактора в федеративных отношениях требует не только учета историко-культурных особенностей конкретных этносов, но и анализа трансформации институционального пространства, в котором эти этносы действуют.

Другой, не менее важный, но во многом контрастный пример развития этнического фактора в рамках федеративных и наднациональных отношений представляет собой Шотландия – нация с глубокой исторической идентичностью, включенная в состав Соединенного Королевства с XVIII века, но продолжающая формировать самостоятельный политико-культурный облик и собственные амбиции на международной арене. В отличие от Каталонии, сепаратистский дискурс которой часто сопровождается высокой степенью конфронтационности и острой внутренней политической поляризацией, шотландский национализм в последние десятилетия развивается преимущественно в рамках институционализированной и легитимной политической конкуренции. Он представляет собой пример условно «благополучного» или умеренного национализма, вписанного в логику демократического представительства и конституционного диалога.

Шотландия исторически демонстрировала значительные внутренние культурные и социально-экономические различия между равнинными (Lowlands) и горными (Highlands) регионами [8. С. 96-97]. Эти различия долгое время обуславливали неравномерность развития, усугубленную еще в XIX-XX веках массовой депопуляцией и высоким уровнем безработицы, особенно в индустриальных зонах. В отличие от Каталонии, чье экономическое процветание основано на диверсифицированной промышленности, туристическом и инновационном секторах, Шотландия долгое время сталкивалась с деиндустриализацией и оттоком трудоспособного населения. Частичным решением стал массовый исход шотландцев в англоязычные колонии – в Канаду, Австралию, США, что дало определенную демографическую и социальную разрядку, но также упрочило идею шотландской диаспоры как части глобальной культурной идентичности.

Однако в последние десятилетия Шотландия сумела переосмыслить свои экономические перспективы благодаря развитию нефтегазового сектора в Северном море. Ресурсный фактор стал одним из центральных аргументов в риторике Шотландской национальной партии (Scottish National Party, SNP),

последовательно отстаивающей идею экономической самодостаточности независимой Шотландии. Согласно этим позициям, выход из состава Соединенного Королевства откроет перед Шотландией возможность полного распоряжения природными ресурсами, более справедливого перераспределения доходов и построения модели «скандинавского» социального государства.

Ключевым аргументом также выступает апелляция к исторической субъектности: до 1707 года Шотландия была независимым королевством, имевшим собственные политические институты, правовую систему и культурную автономию. Современные шотландские националисты, не отрицая важность общенациональной истории, подчеркивают, что право на самоопределение опирается не на маргинальную этническую идентичность, а на полноценную историко-государственную традицию.

Культурно-религиозное различие, особенно с учетом протестантско-католических аспектов в шотландском и английском контекстах, также становится инструментом политической мобилизации. Эти различия, вкупе с иными мировоззренческими и социальными ориентирами (например, более высокая электоральная поддержка социальных и левых партий в Шотландии), формируют идеологическую основу для тезиса о том, что независимая Шотландия будет более демократичной, прогрессивной и социальной [1. С. 43].

Таким образом, шотландский пример демонстрирует иной вектор этнополитической мобилизации – умеренный, эволюционный, институционально включенный в легальный порядок Великобритании. В отличие от Каталонии, чья конфликтность в отношениях с Мадридом усугубляется отсутствием четкого правового механизма реализации права на самоопределение, в Шотландии в 2014 году состоялся референдум о независимости, признанный легитимным всеми сторонами. Несмотря на его негативный для сепаратистов результат, сам факт проведения подобного плебисцита стал символом признания специфики шотландской политической субъектности.

В сравнении с другими регионами Европы, Шотландия представляет собой модель этнической политической зрелости, в рамках которой национализм функционирует не как радикальная деструктивная сила, но как ресурс демократического многоуровневого диалога, несмотря на сохраняющиеся экономические и культурные противоречия внутри региона.

Из вышесказанного можем выделить ряд основных проблемных моментов, которые формируют теоретическую и прикладную основу исследования этно-расового эгоцентризма как фактора политической турбулентности в условиях модернизации национального государства.

Во-первых, наблюдается устойчивое противоречие между процессами модернизационной интеграции и ростом этнической и расовой саморефлексии, которая, обостряясь в периоды социально-экономических кризисов, принимает форму политической мобилизации на основе эксклюзивной идентичности. Такая мобилизация препятствует формированию инклюзивной гражданской

общности и подрывает принципы универсального правового порядка, лежащего в основе современного национального государства [7].

Во-вторых, этно-расовый эгоцентризм проявляется как реакция на вызовы глобализации и культурной трансформации, в условиях которых традиционные механизмы идентичности испытывают давление со стороны как внешнего, так и внутреннего культурного многообразия. В этом контексте этноцентризм становится средством сопротивления предполагаемой угрозе утраты культурной гомогенности, однако его радикализованные формы нередко ведут к дезинтеграции политического пространства и ослаблению государственного суверенитета.

В-третьих, современная политическая практика свидетельствует о том, что этническая идентичность может быть инструментализирована как в условиях слабых государств, так и в стабильных демократических системах – с разной степенью деструктивного потенциала. Каталония и Шотландия в этом плане иллюстрируют два различных вектора развития этнополитических движений: от конфликтной конфронтации до институционализированного диалога. Однако и в том, и в другом случае этнический фактор остается вызовом для существующих моделей федерализма и наднациональной интеграции, особенно в контексте неопределенности правового регулирования права на самоопределение в рамках объединенной Европы

Для преодоления рисков, порождаемых этно-расовым эгоцентризмом, глобализация должна эволюционировать в направлении инклюзивного и культурно-чувствительного порядка, в котором признается и уважается многообразие идентичностей без разрушения единства политических систем. Необходим переход от унифицирующей модели глобализации к модели кооперативного плюрализма, обеспечивающей справедливое участие всех групп в институтах власти и распределении ресурсов. Это предполагает развитие глобальных и региональных механизмов, способных эффективно интегрировать локальные идентичности в рамки универсальных норм гражданского равенства и прав человека.

**Результаты.** В рамках исследования получены следующие результаты. Установлено, что этно-расовый эгоцентризм представляет собой структурный вызов модернизации национального государства, дестабилизируя его институциональные основы и подрывая механизмы гражданской интеграции. Показано, что в условиях глобализации и наднационального управления этническая идентичность может становиться фактором политической мобилизации с потенциалом сепаратизма. Выявлена необходимость пересмотра моделей государственного суверенитета и федеративных отношений с учетом культурного плюрализма и новых форм многоуровневого взаимодействия.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ананьева Е.В.** Референдум о независимости Шотландии: цепная реакция // Сепаратизм в политической жизни современной Европы. Доклад Института Европы. М., 2015. № 318.

2. Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. М., 2007.
3. Лексин И.В. Государственное устройство Федерации в составе Европейского союза. М., 2014.
4. Малько А.В., Соломатин А.Ю. Постмодернизация и глобализация: особенности государственно-правовой жизни общества в XXI столетии // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 1.
5. Орлов А. Проблема с рецессией на современном этапе. На примере Шотландии и Каталонии // Обозреватель. 2015. № 1 (300).
6. Соломатин А.Ю., Макеева Н.В., Наквакина Е.В. Этнический фактор столкновений и развитии федеративных отношений: монография. Москва, 2023.
7. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Это политология: политические функции этничности. М., 2011.
8. Филиппова А.А. Союз Шотландии и Великобритании: быть или не быть? // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 10.
9. Хантингтон С. Столкновения цивилизаций. М., 2019.
10. Diane Perrons. Globalization and Social Change: People and Places in a Divided World. N.Y., 2004.

## ZH.SH. AGAEVA

Lecturer at the All-Russian State University  
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),  
Rostov-on-Don, Russia

# ETHNO-RACIAL EGOCENTRISM AS A FACTOR OF POLITICAL TURBULENCE IN THE MODERNIZATION PROCESS OF THE NATION-STATE

**Objective.** To identify and analyze the role of ethno-racial egocentrism as a destabilizing factor in the modernization process of the nation-state.

**Methods.** The research methods include comparative-historical analysis (based on the cases of Catalonia and Scotland), as well as an interdisciplinary approach combining political science, sociological, and cultural studies tools.

**Conclusions.** Ethno-racial egocentrism emerges as a reaction to modernization and globalization challenges, intensifying internal political fragmentation. Under conditions of legitimacy crisis and social polarization, it can transform into a form of protest mobilization directed against the universal principles of the civic state. Ensuring the stability of political systems requires a rethinking of approaches to identity and integration within inclusive models of statehood.

**Key words:** ethno-racial egocentrism, political turbulence, modernization, nation-state, globalization, identity, separatism, multiethnicity, inclusiveness, sovereignty, federal relations.